От переводчика

своим учителем.

и его последователей. Это могут быть и жанровые стихи — например, о любви, о разлуке с возлюбленной, о тоске по дому, — но система образов, да и формальное устройство этих текстов далеки от канонов советской поэзии.

Узбекская поэзия на стыке веков оказалась одинаково открыта лучшим образцам как восточной, так и западной литературы. В поэти-

ке узбекских авторов можно обнаружить влияние текстов Назыма Хикмета, Уолта Уитмена, Роберта Фроста... Отдельно стоит отметить творческое наследие Рауфа Парфи (1943-2005) — классика новой узбекской поэзии, которого многие младшие современники называют

В 90-х и «нулевых» взошла целая поросль узбекских поэтов, в творчестве которых удивительным образом сочетаются традиция и модернизм. Это могут быть, например, медитации, восходящие к суфийским практикам, опирающиеся на поэтику Джалаладдина Руми

Рауф Парфи

Соберусь, отправлюсь однажды в путь. Будешь сидеть у окна с утра, оцепененье не в силах стряхнуть, мысли, как четки, перебирать.

Вновь и вновь исполненный боли взгляд застывшую улицу будет пронзать, требуя взятое ею назад. Но потерю придется тебе признать.

Слезы высохнут. Станут в окне видней вдоль пустынной дороги карагачи. Жизнь отнимет меня в один из дней — смерть обратно тебе вручит.

Просыпайся, родная, пойдем скорей!
В раскаленных льдах будем сердце греть,
По горящей реке поплывем вдвоем —
Лишь отсюда давай поскорей уйдем.
Дальше, дальше, в неведомые края!
Не оглядывайся, любовь моя.
Посмотри, как ярко горит звезда —
Светлый луг... но нам дальше, в иную даль.
Я эмир. Я тебе целый мир отдам.
Я и нищий. Внимай же моим словам.

Бог мой! Открой глаза и взгляни: На безмолвном мазаре шевелятся сумерки. На голой равнине чей-то призрак возник.

Духи желтеют среди могил. Вот один — он в воздухе, как комар, При жизни виться-вертеться любил, Пожиратель гнилья, детских снов кошмар.

Кто мне грудь ногами мнет, возомнив, Что собрание мертвых его спасет? Прощай, коловший глаза песок, Прощай, заунывный, бесконечный мотив, Прощай, обреченный страдать народ. Мой голос под толщей стихов затих.

Алиджан Сафаров

ТОМЛЕНЬЕ

Расцветает томленье — для души амулет. Где-то ангел смущенный к надежде приник. Сердце вздрогнуло болью — от любимой привет Мотылек легкокрылый мне принес в этот миг.

Грезы, чистые грезы... Лишь один их глоток Привкус счастья подарит в безумной тоске. Так на запах влекущий летит мотылек, Чтобы имя любимой начертать на цветке. О, коварного мира вечно юный цветок!..

Глядя вокруг Все различаю Но вижу ли?

Шире глаза раскрываю О небеса! Белый свет моих сновидений Исчезает на дне зрачка

Взгляду светом своим не рассеять Мрака — Притупленных привычных страданий

Вновь и вновь суждено поглощать глазам Только то, что лежит на поверхности

Белги

одинокой лампы колеблется свет в черных волнах теряя дрожащий след

вырастает корабль в ночи горой странный мир вокруг нет не станет мной

на какое сердце в расчете на чей размер страдание вяжет качель

что за шум за шорох тревожит впотьмах — вздох волны крыла невидимый взмах

или галька звездам вверяет боль нет всего лишь звуки в ночи бог с тобой

одинокой лампы колеблется свет в черных волнах теряя дрожащий след...

Ты этот вечер отпусти, ты отступись от этих сумерек, закрой глаза, окно. Увянет облако, умолкнет пенье птиц. Пыль серебром на крышу ляжет, как на дно.

На фото девушка — вот все, что сохранил? С дерев до срока осыпается листва. Оставь в покое этот вечер, не держись... И ты когда-нибудь, и ты в один из дней...

Фахриёр

ВЕСЕННЯЯ РАЗЛУКА

Ты зачем прилетела сюда, сова, в этот свет дневной, в этот мир живой? То, что ищешь ты, здесь найдешь едва ли. Не моргай надо мной, не крути головой.

(В руку сердце свое беру...)

Всё в цвету — видишь? — осени нет и следа. Ни заброшенных стен, ни развалин здесь. Ты ошиблась, птица, ты не туда принесла на крыльях дурную весть. (Прячу сердце свое за спиной...)

Руки мои пусты.

На этих руках хотел поднять тебя над головой.

Теперь и к лицу поднести их не в силах.

Тяжесть пустых рук...

Вафо Файзуллах

ШАРА-БАРА

Правит дядя Кувонч скрипучей арбой, Продает он время себе в убыток. Мальчишки встречают его гурьбой, Глиняные свистульки — взамен бутылок.

Так кричат, что звуку негде упасть. Ни одно желание без ответа Не останется. Скоро придет их час Грамоту колеса и музыку ветра

Изучать, покидая родной кишлак. В золотую арбу запряжено солнце. Слезы скрыты в лежащих на дне мешках. Безымянная песня едва доносится.

«Я шара-бара люблю очень-очень, Пусть скрипит арба и звенят бутылки».

Провожает взглядом дядя Кувонч Убегающих стриженые затылки.